

A
П 157

На правах рукописи

ГАЛИНОВА Наталья Владимировна

**ЭТИМОЛОГО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА
ПРАСЛАВЯНСКИХ КОРНЕЙ СО ЗНАЧЕНИЯМИ
'ГНУТЬ', 'ВЕРТЕТЬ', 'ВИТЬ'
В ГОВОРАХ РУССКОГО СЕВЕРА**

Специальность 10.02.01 – русский язык.

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук.

Научная библиотека
Уральского
Государственного
Университета

Екатеринбург
2000

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета.

Научный руководитель   доктор филологических наук, доцент
Березович Е.Л.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Полякова Е.Н.
кандидат филологических наук, доцент
Еремина С.А.

Ведущая организация: Институт филологии СО РАН

Защита состоится 21 ноября 2000 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д.063.78.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета.

Автореферат разослан «__» октября 2000 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

В.В. Эйдинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

На протяжении своей истории этимологическая наука не раз переживала смену ориентиров. В настоящее время многие ведущие этимологи признают, что фундаментом этимологической реконструкции должен стать семантический анализ (см. исследования А.Е. Аникина, Ж.Ж. Варбот, Т.В. Горячевой, А.Ф. Журавлева, Л.В. Куркиной, В.А. Меркуловой, В.Э. Орла, И.П. Петлевой, В.Н. Топорова, О.Н. Трубочева и др.). В частности, осуществляется изучение семантической структуры этимолого-словообразовательных гнезд корней со сходной первичной семантикой (см. работы А.А. Калашникова, Н.В. Пятаевой, Т.А. Черныш, А.П. Шальтяните, выполненные на материале русского и других славянских языков).

Задача восстановления семантической структуры словообразовательного гнезда требует возможно более полного охвата фактов национального языка, в том числе – данных диалектной лексики.

Актуальность настоящего исследования связана с необходимостью совершенствования семантической стороны этимологических исследований, в связи с чем продуктивна характеристика семантической структуры этимологических гнезд. Кроме того, актуально рассмотрение функционирования дериватов праславянских корней в «живой» системе говора, которое позволит проанализировать взаимодействие гетерогенных гнезд, при котором происходит трансформация внешнего облика и смыслового наполнения их элементов.

Цель настоящей работы – выявить особенности семантической структуры и функционирования этимолого-словообразовательных гнезд праславянских корней с исходным значением ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в системе говоров Русского Севера.

Выбор гнезд с этими значениями обусловлен тем, что они архаичны и обладают развитой синонимией, что позволяет реконструировать семантические связи и формы одного гнезда по формам другого. Кроме того, данные корни лежат в основе обозначений многих распространенных действий и типичных для славян трудовых процессов, что определяет их продуктивность.

Гнезда праславянских корней со значением ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ не подвергались системному сопоставлению, однако отдельные наработки в этой области имеются: наиболее обстоятельно этот вопрос рассматривался в работах А.А. Калашникова, где проанализирована система дериватов корней со значением ‘вязать’ и ‘плести’ в различных славянских языках (см. также исследования Л.В. Соколовской, Л.П. Михайловой и др.).

В работе анализируются 7 групп этимолого-словообразовательных гнезд. Избранные для анализа корни исходно имели близкие («переплетенные» и «связанные друг с другом») значения. Группировка их в три блока – ‘сгибания’, ‘верчения’, ‘плетения’ – носит во многом условный характер, поскольку праславянская семантика корня синкретична, в то же время ведущие значения могут быть выделены (при таком выделении мы опирались на существующие в этимологической литературе разработки). Набор анализируемых корней таков: 1) ‘гнуть, клонить’ (*gub-//*gyb-//*gob-//*гъb-//*бъg-//*bug-; *gul-//*gyl-; *gur-//*gyr-//*gvor-//*govyr-; *kub-; *kok-//*koč-; *kyk-//*kuk-(*čuk-//*čuč-); *kul-;

*kut-; *kьrk-//*kьrč-; *lęk-//*lqk-//*lęg-//*lqg-; *žьg-; *ęk-//*qk-; *klęč-//*klęk-; *klen-//*klon-; *klęp-; *klęt-; *kl'uk-//*kl'uč-); 2) 'вертеть, крутить' (*vьr-//*ver-//*vor-//*var-//*vyr-; *vorb-; *vьrd-//*vьrd-//*vord-; *vьb/ьrk-; *vьrp-//*vorp-; *vort-//*vert-//*vьrt-; *vьrз-//*vьrз-; *krqt-; *kręt-; *kręg-); 3) 'вить, вязать, плести' (*vi-//*voi-//*vei-; *vęz-//*(v)qz-; *plet-//*plot-; *plęt-//*plqt-).

В работе не стояла задача фронтальной выборки продолжений всех корней с указанными значениями. В то же время наша выборка корней является достаточно полной, так как учтены корни, продуцирующие наиболее разветвленную систему дериватов (для контраста взяты и некоторые непродуктивные корни, дающие, однако, в говорах интересную деривацию, полностью не описанную в этимологической литературе, ср., например, *ęk-//*qk-).

Задачи данной работы: а) выявить наполнение этимологическо-словообразовательных гнезд праславянских корней со значениями 'вертеть', 'гнуть', 'вить' в говорах Русского Севера; б) произвести идеографическую классификацию дериватов рассматриваемых корней; в) охарактеризовать уровень соотносительности значений избранных для анализа лексем с первоначальной семантикой гнутья, верчения, витья; г) установить основные тенденции, определяющие развитие значений в словообразовательных гнездах; д) охарактеризовать особенности функционирования гнезд в современной системе говоров; выявить критерии, определяющие различную наполненность тех или иных гнезд в говорах Русского Севера; е) использовать методики семантических параллелей, морфо-семантического поля для этимологизации диалектных слов.

Таким образом, в работе учитываются два плана, определяющие языковой статус изучаемых лексем: во-первых, **генетический**, предполагающий атрибуцию слова как элемента определенного этимологического гнезда; во-вторых, **функциональный**, направленный на характеристику связей слова – в том числе, «благоприобретенных» – в синхронной системе говора. И в той, и в другой плоскости (т.е. в динамическом и статическом аспектах) исследование было нацелено преимущественно на выявление особенностей семантики изучаемых языковых фактов и тенденций семантической организации гнезд.

В динамическом ракурсе исследования семантическая направленность определила применение метода семантических параллелей для обоснования этимологии отдельных слов; в статическом – использование метода морфо-семантического поля, позволяющего найти причины трансформации слова под действием внутрисистемных факторов.

Материал работы был извлечен из лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского государственного университета по территории Русского Севера (Архангельская и Вологодская области), хранящейся на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета (далее ЛК ТЭ). В настоящее время на базе этой картотеки создается Словарь говоров Русского Севера. Для более детальной разработки той или иной этимологической версии привлекались русские диалектные словари; для этимологизации диалектных слов были использованы этимологические словари русского и других славянских языков.

Методологическую базу исследования составляют процедуры этимологического, ономазиологического анализа и семантической реконструкции; в работе

используются методики фонетического, словообразовательного и семантического моделирования, семантических параллелей, морфо-семантического поля. Для представления семантической структуры изучаемых гнезд применяется идеографическая классификация материала. При осуществлении конкретных этимолого-словообразовательных разработок мы опирались на труды по диалектологии, исторической лексикологии, этимологии, словообразованию русского языка, а также исследования в области контактологии.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые осуществляется анализ семантической организации этимолого-словообразовательных гнезд корней со сходными значениями в определенной группе говоров русского языка. В научный оборот вводится обширный лексический материал – в том числе факты, отсутствующие в опубликованных словарных источниках по русской диалектной лексике.

Теоретическая значимость работы определяется, во-первых, тем, что в ней сопоставляются закономерности семантического развития дериватов сходных по первоначальной семантике корней. Такой аспект позволил выявить причины схождения и расхождения в семантической эволюции указанных дериватов. Во-вторых, реконструкция этимологических гнезд, предполагающая выяснение особенностей развития слова по «вертикали», сопряжена с изучением поведения слова в системе говора (по «горизонтالي»), что дало возможность осуществить комплексную характеристику судьбы континуантов изучаемых корней. В работе предложены этимологические решения для ряда севернорусских диалектизм, не рассматривавшихся в этимологической литературе; в некоторых случаях произведено уточнение уже известных этимологий. Результаты исследования значимы для этимологии, исторической семасиологии, дериватологии.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в вузовских курсах русской диалектологии, истории русского языка, в спецкурсах по этимологии, семасиологии, диалектной лексикологии. Анализ функционирования этимолого-словообразовательных гнезд глаголов в синхронной системе говора может быть учтен в практике лексикографического описания русской диалектной лексики (в частности, при составлении Словаря говоров Русского Севера).

Апробация работы. Основные выводы и положения исследования изложены автором в докладах на Втором и Третьем всероссийских научных совещаниях «Русская диалектная этимология» (Екатеринбург, 1996; 1999), Международном совещании «Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни» (Пермь, 1997), межвузовской научной конференции «Русские народные говоры: История и современное состояние» (Новгород, 1997), всероссийской конференции «Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии» (Томск, 1998), межвузовской конференции «Денотативное пространство русского глагола» (Екатеринбург, 1998), межвузовской научной конференции «Проблемы русской лексикологии и лексикографии» (Вологда, 1998), ежегодной региональной конференции «Актуальные проблемы лингвистики» (Екатеринбург, 1997, 1998), Седьмой российской научно-практической конференции «Сельская Россия: прошлое и настоящее» (Тула, 1999). По теме исследования опубликовано 13 работ.

Структура работы. Работа состоит из введения, вводного раздела к основной части, 3 глав, заключения и приложения, включающего описание наполнения гнезд; там же даются семантические и словообразовательные параллели к отдельным диалектизмам, помогающие обосновать этимологические решения. Общий объем работы – 294 с., из них основной текст составляет 157 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна, определяются цель работы, задачи и методы исследования, характеризуется состояние разработки вопроса, обосновывается выбор анализируемых праславянских корней, описывается структура работы.

Основной части работы предпослан **вводный раздел**, где представлен алгоритм работы с материалом, описана методика фонетического, словообразовательного и семантического моделирования этимологических гнезд, используемая в работе.

Работа этимолога со словом требует вовлечения в анализ рядов фонетических, словообразовательных и семантических аналогий, объем которых во многом зависит от такого субъективного фактора, как интуиция исследователя, вследствие чего в этимологический поиск неизбежно вносится элемент случайности. Для того, чтобы несколько «нейтрализовать» субъективность и случайность, следует искать приемы, способствующие систематизации этимологического исследования. Один из таких приемов – направленный поиск языковых фактов исходя из определенного смыслового наполнения. Направленный поиск заставляет исследователя прогнозировать те клеточки системы, которые могут быть обнаружены в языковом материале, более объемно видеть набор подвергаемых анализу единиц. Без предварительного моделирования результата эффективность фронтального просмотра может быть весьма низкой, поскольку есть риск пропуска потенциально «нужного» исследователю языкового факта. Разумеется, пропуски возможны и в ходе направленного поиска. Если при фронтальной выборке они появляются скорее по субъективным причинам (идушим от исследователя), то при направленном сборе – по объективным (идушим от материала). В силу этих причин необходимо комбинирование данных способов работы с материалом, которые, по сути, могут быть обозначены как дедуктивный и индуктивный.

При **словообразовательном моделировании** восстанавливалась структура дериватов анализируемых корней, при этом в первую очередь принималось во внимание образование дериватов с помощью префиксов – как функционирующих в современном русском языке, так и непродуктивных (па-, су-, ка-/ко-/ку-, ша-/ше-/шо-/шу- и др.); учитывалась и возможность присоединения к корню суффиксов – как характерных для слов литературного языка, так и свойственных лишь диалектному словообразованию. При **фонетическом моделировании** принимались во внимание, например, процессы, связанные с упрощением групп согласных на морфемных швах или внутри корня (для гнезда корня *gъb- – с учетом упрощения группы согласных после падения редуцированных – выдвигалось предположение о вероятности существования лексем с начальным б);

при моделировании образований от корней с начальным *в* с помощью префикса *об-* учитывалась возможность упрощения сочетания *бв* на морфемном шве и т.п. В ходе анализа логики семантического развития наибольшие трудности возникают при работе с дериватами второй и дальнейших ступеней семантической производности. Для них необходимо произвести *моделирование семантических переходов*, которое осуществлялось двумя способами: а) путем *выстраивания логических цепочек развития семантики*, при котором выстраиваются пропущенные смысловые звенья; б) с *учетом* так называемых *реально-семантических мотивировок*, т.е. свойств реалии, мотивирующих слово. Семантическое моделирование помогает разграничивать на семантических основаниях формально совпадающие дериваты разных по происхождению корней.

Важнейший компонент методики работы с материалом, используемой в настоящем исследовании, – *принцип семантических параллелей*, который заключается, в первую очередь, в том, что для этимологизации «непрозрачных» слов должны привлекаться более ясные в этимологическом отношении лексемы, реализующие сходную семантическую модель: *обёрник*//*обвертень* ‘оборотень’, *привяз/привязь, привязень* ‘молотило’, *шеворёшка*//*вертун* ‘головастик’ и др. В некоторых случаях имеющиеся в нашем материале параллели явились подтверждением этимологических решений, приводившихся ранее в этимологической литературе: *покрута, скрута* ‘приданое невесты’ ≈ *баннык; клепа* ‘худая лошадь’ ≈ *кляча; клятвенный* ‘наклонившийся (о дереве)’ ≈ *клясться; вертело* ‘высокий человек’ ≈ *верзила; вертелина* ‘небольшая возвышенность’, *завёртка* ‘склон горы’ ≈ *веретья* и др.

В *первой главе «Закономерности семантического развития дериватов корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’»* производится идеографическая классификация материала, дающая возможность наглядно представить весь спектр значений. Данная классификация учитывалась при описании функционирования гнезд, а также для объяснения семантики отдельных дериватов в трудных случаях этимологического исследования. Были обнаружены закономерности в процессах семантических схождения и расхождения дериватов рассматриваемых праславянских глаголов.

Общие для разных групп гнезд значения (которые, однако, могут быть мотивированы различными признаками реалий) имеют в большинстве случаев именной характер и относятся к сферам (в порядке убывания): «Быт» (преимущественно обозначения бытового, сельскохозяйственного и промыслового инвентаря, ткачество, строительная терминология: *кубарь, куляк, каракуля, верёнка, вороба, витьель, вьюн, плетень* ‘виды ловушек на рыбу’, *бало, ворончик, вертело, вьёха* ‘колодезный ворот’, *вертуля, завёртыш, вьёха* ‘вертушка у калитки’ и др.), «Природа» (терминология положительного и отрицательного рельефа, гидрографические термины, обозначения дерева и его частей: *кляк, кубан, клон, куляга, веретье, вертеп, крутяк, вихорек* ‘возвышенность’, *гибак/кибак, заклёба, куляга, вирок, завертюга, вьюн, завёлина, визель* ‘изгиб реки, дороги’, *кляпина, кочёра, кукбра, каракуля, обертень, заворотыш, корзина, вязёга* ‘кривое дерево’ и др.) и, в меньшей степени, «Человек» (наименования частей тела, обозначения актов коммуникации, личных качеств и характера: *куковина, пагулька, кульшика, кокоуля, свир* ‘бородавка’, *варзять, во-*

рокосить, выковыривать, шевадреть, скруживать, свивать, выкошить, плестй 'врать', *куломень, недолука, веретище, вязанка* 'неумелый человек' и др.). Общая для разных групп гнезд глагольная семантика в основном экспрессивна и немногочисленна (ср. *клёкнуть, кочерьбожить, кулануть, кряпать, оплестй* 'ударять, стучать', *кулика́ться, ша́врять, вилькаться, шоблеть* 'ковылять, хромать' и т.п.). Чаще всего универсальной для всех групп гнезд оказывается предметная семантика, абстрактная же единична (ср. *кубаряться, ковёркаться, повёрзаться* 'мучиться', *коковья́к* 'беда, неудача'). Процесс номинации в большинстве случаев идет разными путями: если для дериватов 'гнуть' чаще всего актуализируется признак формы, то для 'вертеть', 'вить' характерна функциональная направленность.

Несмотря на наличие общих значений, каждая из групп гнезд имеет свои приоритеты, вследствие чего складывается ее индивидуальный облик. Это обстоятельство позволило выявить специфику языкового воплощения представлений о сгибании, верчении, вязании и т.п. Данные действия характеризуются направленностью на конкретный материал, который подвергается деформации или преобразованию.

Идея деформации ярче всего прослеживается в семантической организации гнезд сгибания; конкретная «производственная» ориентация процесса деформирования при сгибании чего-либо нередко отсутствует (хотя ср. отражение такой ориентации в названиях различных видов выпечки — *огыбка, закуточек, загибанец, куюльник, куля́к*), а сами возможности деформирования вариативны и содержат предпосылки для экспрессивного восприятия соответствующих действий; не случайно появление семантического перехода 'гнуть' → 'мять, комкать', вследствие чего формируется сема «нечто неудачное, дефектное» (*куля́ман* 'неудачно испеченный хлеб', *кутйть* 'изгибать, мять'). Эти соображения, как представляется, определяют богатство синонимичных корней со значением сгибания, которые в количественном отношении значительно превосходят «комплекты» корней с другими значениями, рассматриваемые в работе (несмотря на то, что мы не ставили своей задачей выявление всего массива таких корней, тенденции прослеживаются и на материале осуществленной в работе выборки). Значения, сформировавшиеся на базе 'гнуть', довольно разнообразны, хотя сфокусированы, в основном, на отражении признака формы предмета, которая подается в различных вариантах: 'круглое', 'выпуклое', 'торчащее', 'имеющее форму угла' и др. (*бугыля, коковка* 'нарост на дереве', *гбач, кибя́к, куля́к* 'изгиб реки', *куча, кулы́га* 'стог сена' и др.). Признаки различных форм создаются статично, в ходе разработки первоначального признака 'изгиб'.

В семантике дериватов 'клонить' степень деформации, объединяющей значения всех изучаемых глаголов, минимальна, а сама деформация, как правило, осуществляется в каком-то одном направлении (нельзя клонить что-либо в разные стороны). Поэтому значения в данном гнезде весьма однотипны и сосредоточены на фиксации признака дугообразной формы предмета (*накля́тина* 'наклонившееся дерево', *клепо́й* 'сутулый'); исключение составляет специализировавшаяся линия 'наклониться' → 'клясться' (*покля́ть* 'проклясть', *кля́сться* 'произносить заговор, оберег').

В гнездах дериватов корней со значениями 'вертеть' и 'крутить' уже появляется семантика, показывающая «план выражения», внешний облик предмета через динамику, например: значение 'возвышенность' (*верте́нина*, *веретье*) формируется через ступень 'заверченный, закрученный' → 'тугой, плотный, выпирающий'; если значение 'вывороченное с корнем дерево' у дериватов от 'гнуть' появляется вследствие отражения формы реалии, то у дериватов корней 'верчения' это значение отражает результат действия (дерево выворочено из земли). У дериватов корней с семантикой 'вертеть', 'крутить' есть значения, в составе которых содержится прямое указание на процессуальность (например, *вертѣн*, *обороть*, *кѹмороть* < *кѹмовороть* 'водоворот'). Верчение и кручение могут осознаваться и как беспорядочное движение (отсюда значения *ворзѣ* 'проказник, шалун', *кружѣться* 'заблудиться', *шевердень* 'распутный человек'), и как целенаправленное действие (*воробы* 'приспособление для намотки ниток').

Процесс верчения связан, как правило, с вращением предмета в вертикальной плоскости, поэтому в гнездах праславянских корней, продолжающих и.-е. **ueg-*, часто встречаются наименования подвижных, юрких животных, хитрых, изворотливых людей (*шеверѣ* 'непоседа', *воропѣи* 'детеныш тюлена, нерпы', *вертовѣтый*, *проверѣный* 'подвижный'), а также предметов, которые вертятся вокруг своей оси (*верѣх*, *навѣртышек* 'вертушка у калитки', *верѣто* 'веретено', *вертлужск* 'флюгер' и пр.).

Процесс кручения нередко представляется как спиралевидное движение (большая часть – в горизонтальной плоскости). Возможно, следствием такого закручивания, сужения, уменьшения диаметра колец становится появление значений, содержащих сему «плотный, крепкий» (*крутѣи*, *крѣжистой* 'твердый, плотный'); последнее же обстоятельство обуславливает наличие в гнездах с первоначальной семантикой 'крутить' обозначений интенсивных действий и их результатов (*раскрѣтать* 'сломать', *крутѣть* 'говорить быстро, неразборчиво', *крѣжа* 'вывороченное с корнем дерево'¹ и др.). Иными словами, с точки зрения верчения реалии рассматриваются в динамическом аспекте, внимание акцентируется на внутренней сущности объекта, на характере проявления в нем действия, а в гнездах дериватов с исходным значением 'крутить' реалия нередко получает свое описание исходя из внешних характеристик, которые, впрочем, производны здесь от внутреннего содержания.

Глаголу *вить* присуща семантика закрученности, извилистости, даже верчения (что, видимо, обусловлено комплексной семантикой праславянского корня, идущего от и.-е. основы **u̯t-1(0)*-, в составе которой есть значение 'поворачивать'), поэтому в системе дериватов 'витья' закономерно появление значений, несущих эту сему (*въѣшка* 'водоворот', 'веретено', 'калитка' и др.). Наличие данной семы сближает семантические структуры дериватов глаголов со значениями 'вить' и 'вертеть' (за исключением семантики засовывания, типичной для гнезд верчения: *шеверень* 'затычка в посуде с пивом', *воронѣц* 'балка, идущая от

¹ Данная лексема интересна тем, что она сохранила корень **kręg-* в чистом виде, без суффикса -j-. В ЭССЯ зафиксирована только одна «чистая» форма такого рода – ст.-укр. «крѣж» 'крѣж' [ЭССЯ 12, 142].

стены к печи и служащая опорой для полатей') и продуцирует описание реалий не столько с учетом формы, сколько внутренних характеристик объекта. В то же время здесь более последовательно, чем в гнездах верчения, отражается идея целенаправленного действия, приобретающего характер конкретного производственного процесса.

В семантике глагола *вязать* сильна сема человеческой деятельности и сема соединения между собой отдельных элементов, поэтому производные значения относятся в основном к сфере «Быт» (*вѣзка* 'веревка') и к той части сферы «Природа», где свойства реалии схожи с результатом процесса вязания (*везель* 'ботва гороха'). В то же время значения дериватов *вязать* могут отражать внутренние качества предмета, осмысляемые через призму признака «завязанный», «вяжущий» (*везель* 'вязкое топкое место', *завязьха* 'черемуха').

В семантике глагола *плести* сема соединения элементов между собой доминирует над остальными (эта сема достаточно активна и в семантической структуре гнезд 'вязания'), поэтому объектом номинации становятся те предметы, свойства которых удовлетворяют указанному условию. Через призму этого признака воспринимаются различные множества однотипных реалий (*пленьца* 'скопление грибов', *пленьца*, *плётка* 'стая птиц' и т.п.).

Во второй главе «Функционирование дериватов праславянских корней со значениями 'гнуть', 'вертеть', 'вить' в говорах Русского Севера» производится анализ судьбы каждого гнезда, выявляются сходства и различия в их функционировании, а также устанавливаются причины, обусловившие эти отличия. Кроме того, рассматривается такой важный в функциональном плане фактор, как взаимовлияния различных по происхождению языковых единиц, выражающиеся в разного рода контаминационных и аттракционных процессах.

Условия бытования слов в говорах накладывают отпечаток на состав, объем и семантическое своеобразие этимолого-словообразовательных гнезд. В каждой диалектной системе существует свой неповторимый комплекс факторов, влияющий на функционирование лексических единиц (к примеру, на Русском Севере одним из действенных факторов оказывается взаимодействие гетерогенных языковых систем – в первую очередь, русской и финно-угорской).

При описании особенностей функционирования этимолого-словообразовательных гнезд изучаемых корней в системе диалекта (§ 1 – «Характеристика особенностей функционирования отдельных этимолого-словообразовательных гнезд») учитывались следующие параметры: 1) наличие в современной системе диалекта опорного производящего глагола; 2) именной или глагольный характер гнезда; 3) степень наполненности гнезда; 4) характер отражения в дериватах семантики корня; 5) влияние со стороны морфо-семантического поля; 6) экспрессивный / нейтральный характер дериватов.

Как правило, наличие в современной системе языка исходного глагола с первоначальной семантикой гнутья, верчения или плетения ведет к появлению разветвленной системы дериватов в том или ином этимолого-словообразовательном гнезде (гнезда **klon-*, **vęz-*, **plet-*, **gyb-* // **gyb-* и др.), при этом семантика производящей основы в большинстве случаев ощущается в значениях многих дериватов. Напротив, при утрате исходного глагола дериваты раритетны (**ęk-* // **ąk-*) или же характеризуются удалением значений от перво-

начальной семантики (**kļek-*). Ограниченное количество дериватов в некоторых случаях, возможно, объясняется именным характером праславянской основы (**gur-* // **gyr-* // **gvor-* // **govyr-*). Многие из изучаемых корней имеют весьма выразительный в фоносемантическом отношении внешний облик; этот фактор – вкпе с потенциально экспрессивной семантикой (экспрессия на сигнификативном уровне определяется тем, что обозначаемые процессы связаны с идеей деформации какого-либо материала) – обуславливает большое количество экспрессивных значений.

Продолжения ряда корней испытывают влияние со стороны морфо-семантического поля, что приводит к возникновению разного рода контаминационных процессов, описанию которых посвящен § 2 «*Взаимодействия в морфо-семантическом поле как функциональный фактор*».

Следует отметить, что дериваты различных гнезд обладают неодинаковыми возможностями в плане участия в контаминационных процессах. Например, редки контаминации на базе корней **krēt-*, **vort-*, **kļuk-*, зато дериваты корней **kok-*, **kuk-*, **kul-* лидируют по количеству контаминаций. Это объясняется следующими факторами: 1) особенностями внешней формы взаимодействующих слов (которая создается длиной корня, своеобразием фонемного состава, звукосемантическим потенциалом и т.п.); 2) способностью исходного корня «индивидуализировать» свои продолжения (безусловно, корень *ворот-* более специфичен в формальном плане, чем корень *кок-*, что ограничивает возможности контаминаций). На продуктивность процессов в морфо-семантическом поле оказывает влияние и такой фактор, как прозрачность/затемненность внутренней формы слова: неясные в плане мотивации слова легче подвергаются воздействию контаминации, так как последняя может привести к прояснению внутренней формы слова (пусть ложноэтимологическому) в сознании носителей диалекта.

На нашем материале можно наблюдать разнообразие контаминационных процессов, которые могут классифицироваться по такому параметру, как *актанты взаимодействий*.

I. Факты, являющиеся результатами взаимодействий в морфо-семантическом поле, созданном на базе продолжений исконных корней.

I. «Внешние» взаимодействия (актантами являются, с одной стороны, продолжения корней со значениями гнутья, верчения, плетения; с другой – продолжения других исконных корней).

Для некоторых корней можно выделить типичных «партнеров» по контаминационным процессам. Так, дериваты корней 'верчения' могут контаминировать с продолжениями **verd-* 'вредить'. К примеру, значение лексемы *верётъ* 'нарыв' появилось в результате контаминации *вѣред* 'нарыв' (< **verd-*) с *вертѣть*. Такая контаминация мотивирована ощущением боли, 'верчения' в ране. Вероятно, сходным образом можно интерпретировать второй компонент лексемы *вѣдовередь* 'водоворот': *-верть* с аттракцией к *веред* 'вред' дает *-вередь* (логика такого народноэтимологического переосмысления состоит в признании опасности, вредоносности водоворотов для человека).

Для элементов гнезда **vgr-//*ver-* 'вертеть' характерны также сближения с продолжениями омонимичного корня **vgr-//*ver-* 'варить, кипятить'².

Рассматривая этимологическое гнездо праслав. **viti*, можно обнаружить ряд слов, являющихся результатами контаминации продолжений *вить* и производных от *бить* (ср. *развитной* 'бойкий' = *развитой* + *разбитной*; *субой* 'место встречи нескольких течений; фарватер реки', 'сугроб' = *субой* 'то же' + *бить*³), *веать* (это наиболее вероятно для «метеорологической» лексики: *сүвель*, *сүвиль*, *суиль*, *зівиль* 'сугроб', *кувель* 'снежный нанос'), *витать* (*витаться* 'находиться рядом; использоваться, быть в обиходе' = *виться* 'находиться рядом' + *витать* 'жить, пребывать'), *веко* (*обвйчка* 'обруч, являющийся основой плетеных изделий'; 'прутик, обвивающий обруч корзины' = *обвечка* 'ободок; обод жернова' ← *веко* при аттракции к *вица* ← *вить*).

Контаминационные процессы особенно активны в том случае, если хотя бы одним актантом является лексема с экспрессивной семантикой. Так, рус. диал. *шуровёшки* 'головастики' может являться результатом контаминации *шеворёшки* 'то же' (< **vor-* 'вертеть') и *шуровать* 'проявлять энергичную деятельность', поскольку головастики часто воспринимаются как нечто маленькое и очень подвижное (ср. рус. диал. *вертуль*, *живулька* 'головастик'). Контаминационные процессы «с участием» *шеворешек* не ограничиваются сближением с *шуровать*. Слово *жаворóнок* 'личинка водного насекомого' (*По болотам бегаёшь, ноги перебьёшь, смеются: это вас жаворонки оклевали, от комаров личинки жаворонки*) можно объяснить как результат сближения *шеворёнок* и *жаворóнок* 'птица жаворонк', смысловой базой для которого становятся многочисленные идиомы вроде *ворона (курица, гусь* и др. птицы) *сапоги дала, кура оклевала*, обозначающие различного рода дефекты кожи – цыпки, трещинки, язвочки и т.п. на ногах (ср. также внутреннюю форму самой лексемы *цытки*). Таким образом, появление этого слова обусловлено звуковой близостью лексем *шеворёнок* и *жаворóнок*, а также наличием активной модели, в соответствии с которой поврежденные участки кожи осмысляются через образы птиц.

На базе рус. диал. *куляши́* 'ряженные' (< **kul-*⁴) в ходе переосмысления и, как следствие, сближения с рус. *гулять* появилось рус. диал. *гуляши́* 'ряженные'. Дальнейшее развитие народноэтимологических процессов привело к возникновению субстантивированной формы *гулящие* 'то же'

Дериваты гнезд плетения «скрещиваются» с продолжениями корня *плыть*; интенсивно идет аттракция континуантов фонетически и семантически близких **kul-* и **kolo* 'круглый' и т.п.

² См.: Варбот Ж.Ж. Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. 1995. Т.54, № 4.

³ В то же время лексеме *субой* можно считать и результатом параллельного образования на базе глагола *бить*.

⁴ Существует версия и о заимствованном происхождении этого слова: ср. рус. диал. *куляши* 'чертенок, водяной' < коми *kul-* 'злой дух' [Фасмер 2, 413]. Однако славянская версия представляется более убедительной, ср. также однокоренную лексему *кулик* 'один из ряженных на святках'.

2. «Внутренние» взаимодействия (актантами являются продолжения корней со значениями гнутья, верчения, плетения). В рамках «внутренних» взаимодействий были выделены две группы процессов.

А. *Ситуации установления новых мотивационных связей между разошедшимися на предыдущем этапе развития продолжениями одного корня.* Процессы такого рода демонстрируют возможность такого своеобразного развития мотивации, когда исходный мотивационный признак дает две номинации в разных денотативных сферах. Каждая из них начинает жить своей «семантической жизнью», развивается полисемия и т.п. – со временем исходный признак перестает ощущаться как объединяющий и возникает омонимия. Однако активность метаязыкового сознания носителей говора и действие внутрисистемных факторов обуславливают вторичные сближения бывших омонимов.

Показательны лексемы с корнем губ-. Значение 'гриб' у рус. диал. *зубá* появилось на базе семантики 'нарост, выпуклость' [ЭССЯ 7, 78–80]. В настоящее время в сознании диалектоносителя происходит переосмысление первоначальной связи 'гриб' → 'губа': *зубá* 'гриб' начинает трактоваться как метафора от соматизма *зубá*, что создает полную симметрию форм с «соматическим» и «микологическим» значением. Это происходит потому, что *зубá* и *губá* – слова с затемненной внутренней формой; значимо и то, что лексемой *зубá* преимущественно обозначаются именно шляпочные грибы (а шляпка, как правило, имеет загнутые края). Последнее обстоятельство и послужило причиной сопоставления *зубá* 'гриб' с *губой* в соматическом значении. Следствием подобного переосмысления можно считать, например, появление рус. диал. *зубáтка* 'гриб волнушка' (впрочем, не стоит игнорировать тенденцию сравнивать с «соматической» *зубой* любой относительно плоский, чуть загнутый край чего-либо). В процесс вторичного прояснения мотивационных связей вступает также глагол *зубить* 'приводить к гибели' (< *gub-), который сближается со словом *губа* в «микологических значениях»: итогом такого сближения становится появление значений 'несъедобный гриб' и 'гниль в стволе дерева, плесень' (ср. мотивационный контекст: *Губа-то дерево губит*).

Следует отметить и лексему *зубник* 'пирожок с грибами', 'пирожок с любой начинкой', демонстрирующую случай двойной мотивации: на поверхности сопоставление данного слова с *зубá* 'гриб' (тогда следует считать исходным значение 'пирожок с грибами', а значение 'пирожок с любой начинкой' появилось вследствие расширения семантики). Однако эту связь можно квалифицировать как вторичную, если предположить, что первоначальное значение лексемы – 'з а г н у т ы й пирог с начинкой' (к такому выводу можно прийти, сопоставив *зубник* с фактами типа *загибанец* 'пирожок с любой начинкой'). Затем, вследствие вторичной связи с *зубá* 'гриб', происходит специализация значения. Нельзя не учитывать и влияния со стороны соматизма *зубá*: с последней лексемой диалектоносители начинают соотносить края данного вида пирога.

Б. *Взаимодействия между продолжениями разных корней со сходной семантикой.*

Ср., к примеру, слово *ковы́ря* 'утолщение, нарост на дереве', которое можно трактовать как результат сближения *говы́ря* (<*govyr-) и *ковы́рять* (< *vyr-).

Лексема *иверь* 'бранное слово (по отношению к человеку)' – результат контаминации *иверенъ* 'осколок, обломок' (< **ver-*) + *ивьверг* (< **vьrg-*)⁵.

II. Результаты взаимодействия дериватов исконных и заимствованных корней.

На территории Русского Севера, в зоне интенсивных контактов русского и финно-угорского населения, следует ожидать появления случаев контаминации исконных и финно-угорских по происхождению слов.

Такой процесс можно предполагать для лексем *кóконец*, *кóканец*, *кóкач* 'неудачно испеченный хлеб'. Для рус. диал. *кóкач* 'пирог с начинкой' М. Фасмер в качестве этимона указывает олон. *kokoï* 'хлеб из ячменя или овса' [2, 281]; ср. также карел. *kokko* 'круглая булочка', *kukko* 'закрытый пирог', вепс. *kokat* 'пирожок с начинкой'.

Эти лексические факты отмечены на территории Белозерья – в зоне интенсивных контактов с прибалтийско-финскими народами, поэтому возможно проникновение заимствованного слова именно в эти говоры. Зафиксированный в СРНГ ареал форм *кóкач*, *кóканец* и т.п. также подтверждает версию о возможности заимствования (Арх, Влг, Ленингр, Олон) [14, 87–88]. Однако данные формы являются не только заимствованными, а именно контаминированными, на что указывает преобразованная семантика: не просто 'пирог с начинкой', а 'неудачный хлеб'. Семантика «неудачности»⁶ исходит от исконных продолжений корней *кок-/кук-* 'гнуть' с «хлебобулочными» значениями, ср. *коковьяка*, *коковьяка*, *куковёра*, *куковёра* и т.п. 'неудачно испеченный хлеб' (сюда же *кўковїна*, *кўковень* 'непропеченный слой в хлебе').

В контаминационных процессах участвуют и заимствования, восходящие к западноевропейским языкам.

Рус. диал. *кулїч* 'пирог с картошкой' может представлять собой результат контаминации литер. *кулїч* (для которого генетически восстанавливается ср.-греч. *κουλλίχα(ov)* от *κόλλιξ* 'хлеб круглой или овальной формы' [Фасмер 2, 411]) с названиями разного рода хлебобулочных изделий, производных от корня *кул-*, ср. *кулебяка*, *кулїк* 'ватрушка' и т.п. Дополнительный импульс для появления «хлебобулочной» семантики у лексем с начальным *кул-* дает активная модель название птицы → вид выпечки (*жаворонки*, *тетеры* и т.п.): в сферу действия этой модели втягивается и орнитоним *кулик*, ср.: *кулїк* 'булка в виде птицы, которую пекут в день сорока мучеников'⁷.

Рус. диал. *крутїна* 'хороший лес' явилось следствием взаимодействия литер. *куртина* 'участок, засаженный одной породой деревьев' (являющегося по происхождению галлицизмом) и какого-либо слова с корнем *крут-*. Причины притяжения к словам с этим корнем, во-первых, в том, что в говорах широко

⁵ Не исключено, однако, и притяжение к слову *изувёр*.

⁶ Эта семантика может исходить и от образований на базе слова детского речи [Фасмер 2, 28]). Логика такого соотнесения такова: яйцо → похожий на яйцо; твердый, непропеченный → неудачный хлеб.

⁷ С другой стороны, слово *кулїч* 'пирог с картошкой' можно считать дериватом корня **kul-* без каких бы то ни было «внешних» влияний (суффикс *-ич-* представлен в русском словообразовании).

фиксируется слово *крутик* 'возвышенный берег реки' → 'лес на берегу реки'; лес на сухом возвышенном берегу, как правило, имеет качественную древесину. Во-вторых, слова с корнем *крут-* нередко наделяются положительными коннотациями: *крутой* 'здоровый', 'высокий, удобный (об изголовье)' и т.п.

Взаимодействия в морфо-семантическом поле существеннейшим образом влияют на особенности функционирования слова в синхронной системе говора, создавая импульсы для появления новых «гибридных» единиц, становящихся связующим звеном для различных взаимодействующих гнезд и способствующих размыванию «генетически заложенных» граници между последними.

В третьей главе «Этимологии некоторых севернорусских диалектизмов – дериватов корней с исходными значениями 'гнуть', 'вертеть', 'вить'» предлагаются этимологические решения для слов, которые либо не рассматривались в литературе, либо имеют другую этимологию, а также такие лексемы, этимология которых нуждается в дополнительном обосновании. Приведенные здесь примеры, как правило, являются результатом групповой семантической реконструкции. Особый интерес представляют лексические факты, не отмеченные диалектными словарями и зафиксированные только в материалах ЛК ТЭ (*куляжой-суляжой пойтий, пáкорчю пойтий, сулячóк, вёрпы, пáволька, пакляжа, перея́ка* и др.).

Групповая реконструкция позволяет проинтерпретировать, например, лексемы со значением 'пропасть, исчезнуть': 'пойти кувyrком, прахом': *кы́кнуться, скы́кать, кы́кать, пойтий кúлом (пойтий в кúлом), куликóм пойтий, куликóм уйтий, куляжой-суляжой пойтий, пáкорчю пойтий*.

Слово *кы́кать* 'исчезнуть', относимое к гнезду звукоподражательного *kykati [ЭССЯ 13, 260], выглядит в нем несколько изолированным. Однако такое решение может быть вполне оправданным, если предположить, что данное значение возникло следующим образом: пропáл ← только вскрикнул; успел лишь вскрикнуть (ср. наличие семантики исчезновения у звукоподражательных глаголов: рус. диал. *кёркать* 'издавать крик (о птицах)', 'умереть, пропасть'; *кы́ркать* 'курлыкать', *кы́ркнуть* 'пропасть, исчезнуть').

Представляется, что слова *кы́кать, скы́кать, кы́кнуться* все же можно отнести к гнезду **kyk-* 'гнуть' на основании того, что дериваты глаголов со значением 'гнуть, сгибать' могут развивать взаимосвязанные значения 'пропадать', 'умирать'. Наиболее явно такая логика развития семантики представлена в гнезде **gyb-*..., ср. рус. *сгинуть* 'исчезнуть', *погибнуть* 'умереть'. Семантический переход 'гнуть, сгибаться' → 'тяжело болеть, умереть' → 'пойти прахом, исчезнуть'. Возможна и другая логика развития семантики: процесс сгибания предполагает деформацию предмета, уменьшение его в размерах, что тесно связано со значением исчезновения. Отметим также, что определенную поддержку описываемым семантическим связям можно усмотреть в рус. диал. *прикы́к, кукай* 'игра в прятки' [ЛК ТЭ]. Последние две лексемы, очевидно, мотивированы позой играющих (можно спрятаться, пригнувшись, сидя на корточках). Таким образом, здесь проявляется связь значений 'сгибаться' и 'прятаться; пропадать, исчезать'.

Значение исчезновения может появиться также при «пространственном» представлении сгибания: сгибать → поворачивать → повернувшись, уйти →

уйти безвозвратно, пропасть. Компонент пространственного перемещения представлен во внутренней форме идиом *пойти к/улом*, *куликом уйти (пойти)*: формы *к/улом*, *куликом* являются дериватами глагола с исходной семантикой гнутья – в данном случае, глагола с корневым *kul-.

Лексема *куля́ка-суля́ка* (в составе идиомы *куля́кой-суля́кой пойти*) интерпретируется двояко: 1) первый компонент – дериват кул- с суф. -як-, второй – «эхо-слово», рифмованная экспрессивная «добавка», активно используемая в подобных образованиях; 2) оба компонента представляют собой образования от корня ляк- 'гнуть' с помощью экспрессивного префикса ку- и префикса су-. Вторая версия кажется более надежной, поскольку для звука с нетипична функция начального элемента «эхо-слова» (ср. рус. диал. *коко́ра-мако́ра* 'неодобрит. о человеке', *ку́ли-му́ли* 'неразбериха, что-л., плохо сделанное' и др.).

Для этих идиом, включающих компонент *пойти*, можно предполагать наличие промежуточного мотивирующего звена: делать что-либо неудачно, впустую → исчезнуть.

Что касается идиомы *на́корчю пойти* (как представляется, слово *на́корч* является образованием с помощью приставки *на-* от *корч-* 'гнуть, корчить'), то для нее можно предполагать аналогичную линию семантического развития, поддерживаемую наличием глагола *пойти* (ср. также отмеченную в говорах Карелии лексему *ку́рчи-ма́рчи* 'кувырк', подтверждающую возможность образования интересующей нас семантики в гнезде *кьгъ-). Однако нельзя исключить и «реально-семантической» мотивировки этого выражения, предложенной Ж.Ж. Варбот (устное сообщение): возможно, слово *на́корч* отражало процесс корчевания и последующего очищения лесной территории от неньков и т.п., – отсюда в данном случае идея исчезновения.

Приведем примеры других этимологических решений, представленных в реферируемой главе.

Для слова *ко́уэ* 'шалаш' существует финно-угорская этимологическая версия: *ко́уэ* < фин. *koju*, *koiju* 'шалаш, хижина из лалника', *kojureki* 'крутые сани', карел. *koju* 'будка', ливв. *koju* 'сторожка, будка'. Однако остается неясным исход русского слова⁸. Таким образом, финно-угорская версия не является бесспорной. Представляется, что для данного слова можно предложить исконную этимологическую версию, рассматривая его как образование от *vęzati с архаичным префиксом **ko-*. С точки зрения семантики данная лексема вписывается в круг дериватов корней с исходным значением 'вязать': основой простейшего шалаша являются связанные ветви (ср. *вя́зкий* 'связанные ветви, являющиеся покрытием стога').

Структурным аналогом этой лексемы можно считать рус. диал. *нау́э* 'небольшой улей в лесу на дереве (для поймки диких пчел)', *нау́зы* 'колдовские узлы; одна из разновидностей этих узлов – залом' и др. < *navezati [ЭССЯ 22, 203]. Ср. также образования на базе корня **vęz-* с архаичным префиксом **ko-*: укр. *ковиза* 'бочарный инструмент для сгибания обручей', *ковеза* 'растреп;

⁸ Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С.28–29.

увалень' и др. [ОССЯ 12, 13]. Нельзя исключать и возможности контаминации исконного и заимствованного слова.

Лексемы *сулячѡк* 'берестяной чехол для точильного бруска', *суличѡк*, *суячѡк* 'ручка на косовише', как представляется, являются образованиями на базе корня *ляк-* 'гнуть' с архаичным префиксом *су-*. Подобные значения характерны для гнезда **lĕk-//*lqk-*, ср. рус. диал. *лук* 'футляр для бруска, которым точили косу', блр. диал. *лукавѣтка* 'ручка косы' и др. Данные значения мотивированы при знаком дугообразной или раздвоенной формы.

Интересен фонетический вариант *суячѡк* 'берестяной чехол для точильного бруска', 'мешочек из материи, предназначенный для ношения хлеба и прочих продуктов' (последнее значение, скорее всего, вторично и возникло при дальнейшем развитии смыс. 'емкость'), который можно объяснить как результат дизрезы *л'* в интервокальном положении (*сулячѡк* → *суячѡк*). Однако нельзя отрицать и вероятность самостоятельного образования лексемы *суячѡк* от раритетного **ĕkti* 'гнуть'. Тогда форма *сулячѡк* может трактоваться как результат эпентезы *л'*.

Лексема *вѣрпы* (*вѣрпыны*, *вѣрпушки*) 'морщины' представляет собой, по всей видимости, один из раритетных дериватов корня **vьgr-//*voгr-* 'вертеть' (ср. рус. диал. *верпѣть* с производным от 'вертеть' значением 'кипеть, бурлить'). Дериваты глаголов со значением 'вертеть' могут развивать значение 'сморщиться', ср. словен. *svrĕti* 'сморщиваться, собираться в складки' (< **vьgr-*)⁹. В качестве доказательства семантической стороны этой версии можно привести аргумент «от противного» – лексему *нѣворотъ* 'молодая кожа у человека' (< **vort-*): мотивационное значение этого слова подразумевает противопоставление молодой кожи старческой, морщинистой.

Лексемы *пáволька* 'пучок соломы для процеживания пива' и *вѡйка* 'соломенный жгут для утепления дверей' обозначают; по сути, одну реалию – скрученный пучок соломы, которая представляет собой типичный объект номинации для дериватов корней со значениями *витья* (ср. рус. диал. *витѡк* 'пучок соломы для утепления дверей', *вѡйка* 'соломенный жгут для процеживания пива' и др.). Слово *вѡйка* следует рассматривать как весьма редкий случай приставочного образования на базе огласовки **voi-* ('вить'). В составе однокоренного слова *пáволька* выделяется приставка *па-* (в словах с этой приставкой возможно ударение на первый слог, ср. *пáберега*, *пáжить* и т.п.). Чередование *j ~ i* встречается в говорах Русского Севера, ср., к примеру, *сарайка ~ саралька*; такое чередование объясняет, вероятно, и лексему *свѡли* 'ободок у корзины' [ЛК ТЭ], для которой в единственном числе может быть восстановлена форма *своль* (исходной следует считать форму **свой* = префикс *с-* + корень *вой* < **viti*).

В структуре лексемы *пакляга* 'нерасторопный, неумелый человек' выделяется архаичный префикс *па-* и корень *кляг-* < **klĕk-* 'клонить'. Возможно, озвончение *к* → *г* в корне имеет экспрессивную природу (ср. аналогичный процесс для рус. диал. *кляга* 'ножное колено', 'бедро человека или животного'

⁹ Куркина Л.В. Словенско-восточнославянские лексические связи // Этимология. 1970. М., 1972. С.101.

< *kļek- [ЭССЯ 10, 31–32]). Для гнезда *kļek- характерны значения с негативными коннотациями, ср. болг. диал. *клека* 'боллезненный, хилый человек', словен. *kleka* 'кляча, тощая корова' и др. Несомненная связь семантики 'клонить' с 'гнуть' и идентичность значения рус. диал. *накля́га* значениям лексем *кулёма*, *наку́ль* (**kuI-*) указывают на типичность этого значения для гнезд рассматриваемых в работе корней.

В заключении формулируются выводы исследования. Указывается, что проведенное исследование демонстрирует необходимость комплексного подхода к этимологизации диалектной лексики, учитывающего как генетические, так и вновь «приобретенные» связи слова. При расширении материала исследования возможно применение выявленных моделей семантических переходов для семантической реконструкции продолжений не учтенных в настоящей работе корней с аналогичной исходной семантикой.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. К этимологии севернорусских диалектизмов – дериватов славянских корней со значением 'гнуть' // Русская диалектная этимология: Тез. докл. Второго научного совещания. Екатеринбург, 1996. С.7–9.

2. Функционирование дериватов праславянских корней со значением 'вертеть' в говорах Русского Севера // Актуальные проблемы лингвистики: Ежегодн. регион. науч. конф. Мат-лы. Екатеринбург, 1997. С.17 [Уральские лингвистические чтения-97, № 10].

3. Об одной группе русских диалектных названий головастиков // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6. С.51–56.

4. Закономерности семантического развития севернорусских диалектизмов – дериватов праславянских корней со значениями 'вертеть, крутить' // Русские народные говоры: история и современное состояние: Тез. докл. межвуз. науч. конф. 26–28 ноября 1997 г. Новгород, 1997. С.23–25.

5. О явлении двойной мотивации диалектных слов // Актуальные проблемы лингвистики: Ежегодн. регион. науч. конф. Мат-лы. Екатеринбург, 1997. С.18–19 [Уральские лингвистические чтения-98, № 11]. Соавтор – Е.В. Лысова.

6. К вопросу о семантических связях лексем со значением 'неумелый, неуклюжий, нерасторопный человек' в говорах Русского Севера // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тез. докл. межвуз. науч. конф. 13–15 окт. 1998 г. Вологда, 1998. С.28–30.

7. Закономерности семантического развития дериватов праславянских глаголов со значением 'гнуть', 'вертеть', 'вить' (на мат-ле говоров Русского Севера) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Мат-лы Всерос. конф., посвященной 120-летию Томского университета (27–29 марта 1998 г.). Томск, 1998. С.32–34.

8. Из севернорусских диалектных этимологий // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С.61–75.

9. Функционирование дериватов праславянских глаголов со значением 'гнуть' в говорах Русского Севера // Денотативное пространство русского глагола: Мат-лы IX Кузнецовских чтений. 5–7 февраля 1998 г. Екатеринбург, 1998. С.26–31.

10. Дериваты праславянских корней со значениями 'гнуть', 'вертеть' в говорах Русского Севера // Русская диалектная этимология: Тез. докл. и сообщ. Третьего науч. совещания. 21–23 октября 1999 г. Екатеринбург, 1999. С.10–12.

11. Закономерности семантического развития дериватов праславянских корней со значением 'гнуть', 'вертеть', 'вить' (на мат-ле говоров Русского Севера) // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С.156–171.

12. Семантическая структура этимологических гнезд праславянских глаголов со значением 'гнуть, клонить' (на мат-ле лексики севернорусских говоров) // Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни: Мат-лы Междунар. совещ. 18–19 ноября 1997 г. Пермь, 1999. С.47–53.

13. К этимологии некоторых севернорусских наименований выпечки (на мат-ле дериватов корней с исходным значением 'гнуть') // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Докл. и сообщ. 7-й Российской юбилейной науч.-практ. конф. М., 1999. С.151–153.

Подписано в печать 16.10.2000. Формат 60x84 1/16

Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 1,2. Заказ № 506 Тираж 100.

Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51. Типолаборатория УрГУ.